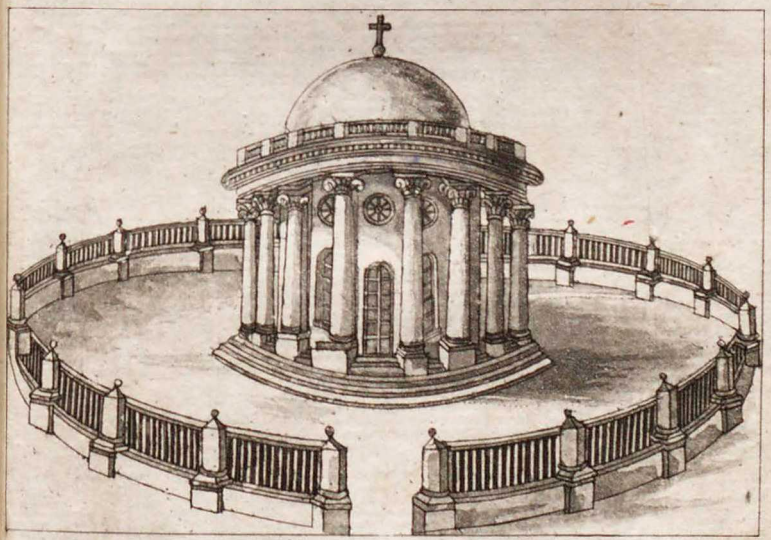
ПУТЕШЕСТВІЕ
ВЪ
МАЛОРОССІЮ.

ПОВЕРХНОСТНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ
ПО ДОРОГѢ
ОТЪ МОСКВЫ ВЪ МАЛОРОССІЮ
1806 ГОДА.

Часть Третія,
содержащая въ себѣ
Возвратной проѣздъ отъ Яготина до Москвы.



Москва.
Въ Типографіи Платона Бекетова.
1806.

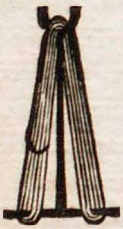
Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
61501-55

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Деревня Томаровка, 11 верстъ отъ Яготина. Октября 22.

Глубокой снѣгъ, ужасная стужа, и цѣлыя шесть дней съ ряду продолжающаяся еще больше ужасная вьюга, погнали насъ сего дня изъ Яготина. Уже начали было мы тамъ, живучи въ строеніяхъ, со всѣмъ неотдѣланныхъ, занемогать, и съ трудомъ могли ходить одинъ къ другому по причинѣ глубокаго снѣга и безпрерывно продолжавшейся вьюги. Коротко сказать: не было изъ насъ ни одного, ктобъ не радовался, когда увидѣлъ подвезенныя повозки. Вьюга такъ замела дороги снѣгомъ, что мы сіи одиннадцать верстъ должны были ѣхать, или лучше сказать, ползть, цѣлые шесть часовъ. Совершенное для насъ щастье было, что мы еще не поломали нашихъ повозокъ, но за то бѣдныя лошади, на которыхъ мы ѣхали, утомились до чрезвычайности. Было уже десять часовъ вечера, когда мы дотащились до Графской деревни Томаровки. Мнѣ съ моимъ другомъ Кохомъ и съ моею Емиліею отведена квартира у крестьянина Ивана Романова Йотери. На столѣ, покрытомъ бѣлою холстиною, лежалъ цѣлой хлѣбъ въ знакъ гостепріимства хозяина. Этотъ не

большой церемоніальной обрядъ наблюдается впрочемъ и дѣлается здѣсь съ началомъ каждой недѣли. Воздухъ въ избѣ былъ не совсѣмъ чистой, а чтобъ оной сколько нибудь поправить, зажгла хозяйка нѣсколько табачныхъ листьевъ. Преогромная въ избѣ печь натоплена соломою и навозомъ; нѣкоторые изъ семейства сидѣли на землѣ, какъ Турки поджавши ноги, и ѣли пшенную кашу и борщъ изъ капусты, другія намотывали пряжу на мотовила. Сей инструментъ весьма простъ и совершенно сходствуетъ съ цѣлію его употребленія, почему и присовокупляю я здѣсь рисунокъ его:



Вся вышина его два аршина, а ширина нижняго поперечника пол-аршина.

Нашъ хозяинъ пришелъ уже при насъ съ господской работы. Окостенѣвши отъ стужи скинулъ онъ съ себя свою свиту и поставилъ ее на полъ, какъ кирасъ; въ мигъ очутился онъ на печи, и окруженный своими малютками столь же скоро позабылъ какъ всю тягость, въ тотъ день имъ понесенную, такъ и жесто-

кую стужу, едва его не уморившую. Въ Графской квартирѣ были всѣ стѣны, столъ и лавки, такъ какъ и иконы обвѣшаны вышитыми полотенцами на подобіе фестоновъ. Здѣсь, какъ и повсюду, находили мы, что украшаютъ внутренность избъ, а наипаче образа, желтыми цвѣтами, ноготками и шапочками, рутою и другими травами. Чтобъ натопить печь, дабы нагрѣть избу, потребно въ день соломы двадцать четыре фунта; а для печенія хлѣбовъ въ двое противъ того. Когда мы на другое утро встали съ нашего соломеннаго ложа, съ изумленіемъ увидѣли, что въ нашемъ претѣсномъ ночлегѣ кромѣ насъ и хозяевъ, ночевали еще пять человѣкъ, кои занимали мѣсто подъ печью, и не прежде, какъ поутру выползли изъ сей норы. Это было цѣлое семейство, искавшее убѣжища у нашего хозяина, разсорившись съ другими, къ ихъ же семейству принадлежавшими, съ коими они жили вмѣстѣ. — Графскіе крестьяне вообще благословляютъ память покойнаго фельдмаршала, Графа Разумовскаго, и, — истинну сказать, — сколько я ни ѣздилъ по здѣшней странѣ, вездѣ находилъ, что и старые и молодые, и дворяне, и простолюдимы, безъ изъятія всѣ, единогласно, прославляютъ его память, бывъ исполнены искреннѣйшаго къ покойному почитанія и благодарности. Времена, въ кои онъ жилъ посреди ихъ, называютъ

злашыми. — Вотъ каково пріобрѣсть любовь своихъ ближнихъ и подданныхъ! Да будетъ же память его благословенна и мною, хотя я и не имѣлъ чести его знать, и всѣми друзьями человѣчества!

Въ Томаровкѣ считаютъ триста хозяевъ или тяголъ, и, — подивишесь! — ни въ одномъ дворѣ нѣтъ бани.

Яготинъ. Октября 23.

Повѣрители вы вашимъ глазамъ, читая слѣдующее? — Такъ, мой любезный Е...! мы въ Яготинѣ опять. Непремѣнно надлежало поддѣлать подъ колеса полозки, а для того и воротились мы опять сюда, но съ какими чувствами, того описать не можно, развѣ только чувствовать самому. Въ самой день нашего возвращенія прошенъ я господиномъ маіоромъ Тамарою, братомъ бывшаго въ Константинополѣ посланника, а нынѣ сенатора, чтобъ навѣстилъ больное его дитя въ деревнѣ его Войтовцахъ, гдѣ имѣлъ я удовольствіе слышать супругу его, игравшую на фортепіано прямо мастерски. Г. Тамара имѣетъ свою музыку, изъ семнадцати человѣкъ, собственныхъ его людей состоящую. Но что я тѣмъ съ

большимъ удовольствіемъ слышалъ въ сей деревнѣ и послѣ находилъ подтверждаемымъ отъ всѣхъ, есть то, что всѣ подданные называютъ его своимъ отцемъ, а сихъ имѣетъ онъ здѣсь и въ другихъ ему принадлежащихъ деревняхъ тысячу душъ. Онъ самъ занимается врачеваніемъ ихъ, и чрезвычайно жалуется на обжирство и на неумѣренность въ пьянствѣ. Дыни, арбузы, сокъ изъ тростника, которой сверьхъ своей безвкусицы, имѣетъ запахъ болотной, разные ягоды, крутыя яица, черствой хлѣбъ, все сіе, сѣдаемое въ невѣроятномъ количествѣ, приключаетъ болѣзни, не рѣдко смертію оканчивающіеся. Онъ самъ бывалъ при вскрытіи нѣкоторыхъ умершихъ, и находилъ желудокъ страшно наполненнымъ упомянутыми и имъ подобными снѣдьми. Венерической болѣзни, въ Украйнѣ вообще открывающейся, между здѣшними крестьянами господина Тамары не встрѣчается; частію по отдаленности его деревни отъ большой дороги въ сторону, частію жъ потому, что въ сихъ мѣстахъ за ненарушимымъ храненіемъ благонравія рачительнѣйшее наблюдается бдѣніе. Древніе обычаи дикихъ народовъ при бракосочетаніяхъ, въ концѣ 16го вѣка, ко стыду тогдашнихъ временъ, во всѣ судебныя мѣста Франціи введенные, здѣсь такъ какъ и во многихъ странахъ Россіи, во всеобщемъ почти между крестьянами употребленіи. Колико они ни оскорбительны для нѣж-

ности чувствѣ, толико напротивѣ того разчислена великая ихѣ польза на благонравіе и сохраненіе здоровья. Горе новобрачнымѣ и всему ихѣ семѣйству, естьли гости вѣ своемѣ ожиданіи найдутся обманутыми. Музыка и танцы тогда прекращаются, неблагопристойныя пѣсни занимаютѣ ихѣ мѣсто; окны, двери, все что вѣ домѣ находится, даже и печи разломываются, матери новобрачной, найденной обезславленною, привязываютѣ лошадиной хвостѣ, и такѣ водятѣ ее по всей деревнѣ при осмѣяніи сбѣжавшагося народа. А хотя молодыя жены имѣютѣ важнѣйшія причины, употребленіемѣ разныхѣ хитростей избѣгать отѣ зависти и злобы своихѣ судей т: е: старухѣ, однакожѣ рѣдко могутѣ укрыться отѣ змѣинаго пронырства опытныхѣ женѣ. По сей причинѣ гости не разходятся, хотя бы свадьба на щетѣ новобрачнаго продолжалась цѣлую недѣлю, доколѣ любопытство ихѣ не удовлетворится, и для того женихи часто прибѣгаютѣ кѣ средствамѣ вѣ городахѣ токмо извѣстнымѣ. Вѣ слѣдствіе сего не рѣдко видятѣ любящую чету препровождающую цѣлыя годы вѣ самомѣ коротком обхожденіи между собою, умѣющую однакожѣ сохранять высочайшее благо— невинность. Сказываютѣ, что нравы и обычаи здѣшнихѣ поселянѣ описаны бывшимѣ врачемѣ нынѣшнимѣ засѣдателемѣ одного судебнаго мѣста вѣ Черниговѣ, котораго сочиненія теперь вы-

ходитъ новое изданіе. Въ селѣ Войтовцахъ я въ первые ѣлъ хлѣбъ изъ Египетской пшеницы. Не знаю болѣе ли я долженъ хвалить вкусъ или мастерство въ испеченіи онаго? Сего рода пшеница, кромѣ сказаннаго села, еще мало гдѣ въ Украйнѣ сѣится. Четверть оной продается по 5 рублей. Ключевая вода здѣсь также очень хороша. Г. Тамара еще имѣетъ при этомъ селѣ небольшой конской заводъ и ковровую фабрику; потребная къ оной шерсть добывается по большой части отъ принадлежащихъ къ ней 500 овецъ.

Здѣсь, какъ и вездѣ, всѣ вообще жалуются на опустошенія, причиняемыя саранчею. Г. Тамара разсказывалъ мнѣ слѣдующее, ужасомъ наполняющее приключеніе: около осьмидесяти верстъ отсюда, неподалеку отъ города Лубенъ, сожрала саранча двухъ дѣтей, изъ коихъ одному было два, а другому одинъ годъ. Сіи нещастные дѣти спали близъ дороги, и когда отецъ и мать ихъ, занимавшіеся тутъ же работою, увидѣли нашествіе сего губительнаго воинства, то побѣжали далѣе въ поле, чтобъ спасти хотя что нибудь изъ посѣяннаго ими, оставя бѣдныхъ спавшихъ дѣтей. По возвращеніи своемъ нашли они превеликую кучу саранчи на нихъ, а подъ нею одни только ихъ кости. Во время плаванія по Черному морю видѣлъ г. Тамара цѣлыя тучи изъ саранчи, на нѣсколько

верстъ простиравшіяся. Отъ него получилъ я пару живыхъ драхвъ, которыя на здѣшнихъ степяхъ водятся тысячами. Великое также множество бываетъ здѣсь и другихъ прекрасныхъ птицъ, коихъ однакожъ не справедливо называютъ степными драхвами (*). Тарантуловъ находятъ здѣсь весьма много. Укушеніе ихъ вредно и даже смертельно всѣмъ тѣмъ животнымъ, кои попѣютъ. Ихъ наливаютъ масломъ, и оное употребляютъ противъ ихъ же угрызенія. Обыкновенныя между здѣшними жителями болѣзни суть простудныя и ревматическія лихорадки, глисты, особливожъ верепенныя, и воспаленіе глазъ. Г. Тамара привилъ самъ коровью осну четыремъ стамъ дѣтямъ. Въ Войповцахъ считаютъ триста пятьдесятъ хозяевъ. Селеніе лежитъ при рѣкѣ Супоѣ, которая здѣсь весьма не широка, когда напротивъ подъ Яготиномъ, въ одиннадцати отсюда верстахъ составляетъ она превеликое озеро.

(*) Думать надобно, что это стрепеты. П...

Деревня Лизогубовка. Октября 24.

Сего дня при весьма хорошей погодѣ вѣ другой разѣ пустились мы вѣ возвратной путь по прекрасной зимней дорогѣ. Лизогубовка есть деревня кѣ Яготину принадлежащая, и лежитѣ на границѣ сей волости. Вѣ ней считаютѣ отѣ 140 до 150 дворовѣ. Также и здѣсь обыкновенныя болѣзни суть лихорадки, ревматизмы и воспаленіе глазѣ. Вѣ жаркіе лѣтніе дни умираетѣ скотѣ во множествѣ, и имянно отѣ червей. Крестьяне лѣчатѣ его сами. Когда мы хозяйкѣ дома совѣтовали, чтобѣ они вѣ такихѣ случаяхѣ прибѣгали кѣ умнымѣ людямѣ, дала она намѣ весьма правдивой отвѣтѣ: "да гдѣ намѣ взять умныхѣ-то людей? Ге ге!" Сіе восклицаніе ге ге слышно у Малороссіянѣ при каждомѣ третьемѣ словѣ, и можетѣ пріемлемо быть иногда за да, иногда за нѣтѣ, смотря по выраженію, сѣ каковымѣ оно произнесено. — Также и здѣсь нѣтѣ ни одной бани. Поелику прививаніе оспы вѣ Яготинѣ еще никогда не было предпринимаемо, то и вѣ здѣшней деревнѣ умираетѣ еще множество дѣтей этою ужасною болѣзнію. Здѣшніе крестьяне со всѣмѣ не имѣютѣ скота, потому что

за три предъ симъ года саранча пожрала у нихъ весь кормъ, и они принуждены были скотъ продать.

Село Ольшана. Октября 25.

Сего дня обѣдали мы въ повѣтовомъ городѣ Прилукахъ, въ которой пріѣхали мы во время самой ярмарки, продолжающейся четыре дни, мы ѣхали мимо лавокъ, и я мимоѣздомъ спрашивалъ о цѣнахъ разныхъ вещей и припасовъ, попадавшихся мнѣ на глаза. Вы удивитесь какъ все дешево здѣсь продается. На примѣръ, за пару гусей просятъ 32 копѣйки, за пару Индѣйскихъ куръ 40 копѣекъ, за пару воловъ 48 рублей, за пару лошадей 80 рублей, за пару овецъ 4 рубли, за пудъ соли 140 копѣекъ, за пудъ воску 20 рублей, за осьмину овса 80 копѣекъ, за осьмину ячменю 40 копѣекъ, за осьмину муки 140 копѣекъ, за женскую свиту 3 рубли, за мужскую 4 рубли, за пару сапоговъ 140 копѣекъ, за фунтъ ревеню изъ Нѣжина 550 копѣекъ. Вы найдете здѣсь на рынкахъ, какъ и вездѣ, множество продажныхъ лѣкарствъ, что безъ сомнѣнія должно дѣлать боль-

шой подрывъ вольнымъ здѣшнимъ аптекарямъ. Впрочемъ сія ярмарка доставляетъ все, что потребно въ жизни, даже отчасти и нужное для нарядовъ, въ особливости же много скота, лошадей и кожъ. Желѣзныя и мѣдныя вещи хотя здѣсь правда и работаются, но мѣдь и желѣзо доставляются сюда изъ Москвы. Съ нѣкоторымъ родомъ удивленія видѣлъ я тутъ превеликое множество краснаго стручковаго перцу, нанизаннаго на нитки. Одна нитка онаго продается копѣйки по двѣ. Его употребляютъ для настаиванія виномъ, что называютъ наливкою, а также и для истребленія клоповъ. Въ домахъ и въ деревняхъ виденъ онъ развешенный повсюду. На этой же ярмаркѣ видѣлъ я продажныя оконнишныя рамы совсѣмъ готовыя и даже съ стеклами для крестьянскихъ избъ. Весь стеклянной товаръ, какъ и каменная здѣшняя посуда до крайности худы. Также и румяна для явнаго и сокровеннаго употребленія продаются здѣсь во множествѣ въ самыхъ бѣдныхъ лавкахъ. Городъ Прилуки лежитъ на довольно большомъ возвышеніи, долина же предъ нимъ есть ничто иное, какъ болото. Самый же городъ представляетъ большую деревню; но чтобъ впредь былъ строенъ по плану, означелы всѣ вновь разполагаемыя улицы по угламъ большими вехами. Между домовъ вмѣсто садовъ или огородовъ виденъ только одинъ дурманъ.

Въ четырнадцати верстахъ далѣе лежитъ село Ольшана, гдѣ мы сего дня будемъ ночевать. Оно принадлежитъ г. полковнику Будлянскому, владѣльцу мѣстечка Чемера, села Сребрянаго и другихъ помѣстій, что все вмѣстѣ составляетъ четыре тысячи душъ. Ольшана имѣетъ положеніе весьма пріятное. Есть тутъ плодовитые сады, которые однакожъ даютъ только плоды скороспѣлые, а не такіе, которые могли бы быть сохраняемы въ зиму. Поелику здѣшняя страна гориста, то и вода здѣсь для питья весьма хороша. Въ Сребряномъ, верстъ сорокъ отъ сюда сказываютъ, есть много змѣй и тарантуловъ, но здѣсь ихъ нѣтъ. Овцеводство здѣсь велико. Читая слѣдующее хозяйственное крестьянъ положеніе, вы не иначе заключать будете о здѣшнемъ помѣщикѣ, какъ съ уваженіемъ. Почти каждой хозяинъ имѣетъ пару воловъ, столько же коровъ, отъ десяти до пятнадцати овецъ, а иногда и лошадь. Недостатка въ хлѣбѣ не бываетъ почти никогда, но напротивъ есть здѣсь хлѣбные магазины, въ которые должны крестьяне ежегодно вносить опредѣленную мѣру хлѣба, получая за оной тотъ, что внесенъ въ прошедшемъ году, дабы не допустить его до поврежденія. Ежели и случится, что крестьянинъ доведенъ будетъ нуждою до того, чтобъ занимать хлѣбъ съ господскаго двора, — что въ минувшемъ году случилось только съ тремя

крестьянами, то дается ему оной безъ займу, или покрайнѣй мѣрѣ безъ росту. Онъ работаетъ только третью недѣлю на господина, пѣшій или конный, смотря по надобности. Ежели имѣетъ трехъ сыновей, то одинъ изъ нихъ долженъ безпрестанно быть на господской работѣ, другіе же два совершенно отъ оной свободны. Цѣна на хлѣбъ поднимается и здѣсь, ибо пудъ муки, которой прошлаго года продавался по двадцати пяти копѣекъ, продается нынѣ по тридцати пяти. Каждой крестьянинъ получаетъ ведро вина за два рубли, которымъ однакожъ онъ торговать не долженъ. Здѣсь находится шесть шинковъ, не считая козачьихъ. Ежегодно продается во всемъ селеніи господскаго вина тысяча семь сотъ ведръ. Въ Прилукѣ платятъ за ведро 240 копѣекъ; тамъ ходили мы по аллеямъ изъ бочекъ съ виномъ, присланныхъ отъ сосѣдственныхъ дворянъ, однакожъ должно знать, что тамъ вина продавать иначе не могутъ, какъ только бочками. Г. Будлянскій имѣетъ при себѣ господина Штабъ лѣкаря Крумрейха, живущаго въ городѣ Козельцѣ своимъ собственнымъ домомъ, но сей лѣченіемъ крестьянъ не занимается. Онъ прежде былъ въ томъ городѣ повѣтовымъ лѣкаремъ, и уже человѣкъ въ лѣтахъ. Въ селѣ Ольшанѣ находится помѣщичьихъ 900 душъ, да козаковъ 250. Въ случаѣ болѣзней пріѣзжаетъ сюда повѣтовой лѣкарь изъ Прилуки.

Лѣкарствъ въ господскомъ домѣ не держатъ. Венерической болѣзни здѣсь нѣтъ, но въ Сребряномъ, имѣющемъ около двухъ тысячъ душъ, иногда показывается. Лихорадки, глазныя болѣзни и глисты принадлежатъ къ обыкновеннымъ здѣсь припадкамъ. Въ прошедшемъ лѣтѣ выпало здѣсь болѣе ста штукъ рогатаго скота, также много лошадей. Главною тому, причиною есть стоячая вода, которая въ Августѣ загниваетъ, зараждаетъ въ себѣ множество червей, мочкою же пеньки и льна дѣлается еще болѣе гнилою. Здѣсь замѣчаютъ, что рабочій скотъ и скотъ напаяемый изъ колодезей, не столько подвергается болѣзнямъ и падежу. Больной распухаетъ по всему тѣлу и чрезъ нѣсколько часовъ умираетъ. Бань не знаютъ также и здѣсь. Квартиру имѣемъ мы въ канцеляріи, гдѣ вмѣсто печи поставлена груба, то есть такая печь, которая топится изъ сѣней и кромѣ верхняго свода не имѣетъ во внутренности своей ничего; дымъ же изъ нея выходитъ въ чело и въ трубу надъ нимъ въ сѣняхъ же поставленную. Такія печи весьма обыкновенны въ Украйнѣ и дѣлаются повсюду, кромѣ хорошихъ господскихъ домовъ. Выгодны онѣ тѣмъ, что требуютъ мало дровъ, и могутъ весьма сильно нагрѣваемы быть одною только соломою, но за то столь же скоро и простываютъ, а потому и надобно ихъ топить по два раза въ день. Край-

не же невыгодны тѣмъ, что производятъ въ комнатѣ угаръ, ибо разжигаясь сильно особливо, естьли здѣланы онѣ изъ изразцовъ, портятъ спершійся въ комнатѣ воздухъ, а тѣмъ и дѣлаютъ его крайне вреднымъ. — Полъ въ нашей квартирѣ состоитъ изъ голой земли, по которой бѣгаютъ жаворонки, такъ какъ весною въ полѣ. Деревянной столъ и скамья суть наши мебели. — Прощайте.

Шептаки. Октября 26.

Въ шинкѣ принадлежащемъ Графу Румянцову обѣдали мы. Тутъ нашли мы гостей въ совершенномъ веселіи, пировавшихъ вчера свершившуюся свадьбу. Жениха и невѣсту мы уже не застали, ибо они еще вчерашняго дня уѣхали домой. Гости, или лучше сказать, гостьи плясали безпрестанно, и въ числѣ плясей находились даже и шестидесятилѣтнія. Подъ безпрерывнымъ рукоплесканіемъ и пѣніемъ простонародныхъ, — совершенно Татарскихъ пѣсенъ — одушевленныя виномъ, уподоблялися онѣ уязвленнымъ, Тарентскими или Украинскими тарантулами, людямъ. Даже и грудными младенцамъ

по нѣскольку разъ давали вкушать сего одушевляющаго напитка. Всѣ вообще казались онѣ весьма рано состарѣвшимися. Въ вечеру пріѣхали мы въ Бахмачь, въ сіе болотное селеніе, о которомъ я упоминалъ уже на пути моемъ въ Яготинъ. Въ случаѣ болѣзней призываютъ сюда Конотопскаго повѣтоваго лѣкаря г. Каминецкаго, которой въ своемъ повѣтѣ привилъ коровью оспу слишкомъ пяти тысячамъ дѣтей. Обыкновенныя здѣсь болѣзни суть горячки и лихорадки. Бывающая же на рогатой скотъ, смертельная болѣзнь состоитъ въ томъ, что вдругъ польетъ кровь изъ горла, и кожа съ языка слѣзетъ долой. Сія болѣзнь бываетъ въ жаркое время года, когда скотъ много работаетъ, и притомъ имѣетъ худой водопой. Также и въ этомъ селеніи бань не имѣютъ во все. Крестьяне купаются только лѣтомъ. — Ночлегъ отведенъ намъ у одного крестьянина. Мы были голодны, и просили, чтобъ дали намъ хотя нѣсколько молока для утоленія нашего голода. Тщетна была наша прозьба, какъ здѣсь, такъ и во всѣхъ деревняхъ, ибо крестьяне такъ бѣдны и тѣломъ и душею, что не льзя на нихъ взирать безъ сожалѣнія. А какъ мы совершенно ничего получить не могли, то другъ мой Коль сказалъ хозяйкѣ шутя, мы умремъ, ежели не дадите намъ поѣсть! На что отвѣчала она весьма равнодушно, Украинскимъ тономъ и нарѣчіемъ, пожалуй

себѣ умирайте! Сколь ни забавенъ былъ ея отвѣтъ, однакожъ я признаюсь, что наконецъ потерялъ все терпѣніе, чтобъ всегда и вѣчно представлять ролю ссылочнаго. Представьте себѣ, мой любезный Е...! хатку, шириною въ четыре аршина, а длиною въ четыре съ половиною, вышиною же въ три, и насъ въ такой норѣ въ бесѣдѣ съ цѣлою семьею хозяевъ, гдѣ для насъ столь мало было мѣста, что даже и самыхъ нужныхъ вещей ни на столѣ, ни на грязныхъ скамьяхъ положить не можно было. Тутъ сидѣлъ я позади стола, касаясь ногами до прегрязнаго пола, а по стѣнамъ ползала тьма таракановъ всѣхъ возможныхъ родовъ, и большіе и малые, и черные и сѣрые. Нигдѣ не было мѣстечка, гдѣбъ по крайней мѣрѣ успокоеніемъ могли прогнать томившій насъ голодъ, и куда мы ни взглядывали, вездѣ видѣли изображеніе совершенной нищеты и бѣдности. Истинно я думаю, что между Тунгузовъ, Киргизцовъ, Чувашей и Вотяковъ, обитателей столь несправедливо хулимой Сибири, можно несравненно лучшее находить убѣжище, нежели здѣсь. Я, бывъ уже болѣнъ даже отъ самаго Яготина, и доведенъ ѣздою до чрезвычайной усталости, принужденъ былъ съ обоими моими сопутниками, лѣзть опять въ каретy, дабы въ ней — какъ нибудь провесть ночь. Утомленные, мы уснули крѣпкимъ сномъ, не смотря на мучившій насъ голодъ. На

разсвѣтъ дня разбудилъ насъ пріѣхавшій ко мнѣ курьеръ. Во всякое другое время умеръ бы я отъ страха, но теперь прочиталъ спокойно поданное мнѣ письмо. Оно было отъ Кіевскаго военнаго губернатора г. Тормасова, которой, находясь съ корпусомъ арміи въ двухъ стахъ сорока верстахъ за Кіевомъ, занемогъ. Онъ желалъ, чтобъ я пріѣхалъ къ нему. Отправленный имъ курьеръ переѣхалъ уже по здѣшнее мѣсто 440 верстъ, и имѣлъ повелѣніе ѣхать въ слѣдъ за мною даже до Почепа. Онъ не оставилъ съ своей стороны ничего, чтобъ изобразить мнѣ сію скорую ѣзду, сколько можно благовиднѣйшими красками, вездѣ хотѣлъ онъ заготовлять для насъ лошадей, и даже проводить опять назадъ до Почепа. Тутъ нашелъ я себя въ немаломъ затруднѣніи. Съ одной стороны не хотѣлось мнѣ оставить Графа, а съ другой поддержаніе здоровья столь знаменитаго мужа, наипаче же въ нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствахъ, влекло меня въ Кіевъ. Однакожъ что нибудь предпринять надлежало непремѣнно. Разрѣшеніе сего дѣла представилъ я Графу; и наконецъ ѣхать рѣшился. До Батурина, осьмнадцать отсюда верстъ, доѣхали мы вмѣстѣ. Отсюда отправился Графъ далѣе въ Почепъ, а я вознамѣрился пуститься прямою на Кіевъ дорогою чрезъ Нѣжинъ. По отъѣздѣ Графскомъ сказалъ мнѣ Батуринской экономъ г. маіоръ Статтеръ, что Графъ

велѣлъ мнѣ объявить, что я изъ Кіева могу ѣхать прямо въ Москву; потому что и онъ постарается не замѣшкать въ Почепѣ. Въ тотъ же самой день пріѣхали мы въ село Пальчики, въ семи верстахъ отъ Батурина, обитаемое тремя стами козаковъ и двумя стами пятидесятью казенныхъ крестьянъ. Здѣсь въ нынѣшнемъ и прошедшемъ году прививали коровью оспу. Лихорадки и болѣзни на скотъ многочисленны. Бань нѣтъ. Ночь сдѣлалась претемная, и наши восемь почтовыхъ лошадей не могли насъ далѣе везть, ибо на сихъ семи верстахъ нѣсколько разъ выпаскивали насъ мужики или изъ топкой грязи, или изъ глубокаго снѣга; при томъ же и погода была пренесносная. Мой курьеръ между тѣмъ ускакалъ впередъ, дабы, какъ сказано выше, на всѣхъ станціяхъ, заготовить для насъ лошадей. Почтари наши требовали денегъ, чтобъ для корма лошадей купить сѣна, дабы на разсвѣтѣ дня опять пуститься въ путь, какъ вдругъ слуга мой вбѣжалъ въ комнату запыхавшись, и сказалъ, что почтари, выпрягши лошадей уѣхали и съ ними въ Батуринъ. Я тотчасъ послалъ туда человѣка верьхомъ, чтобъ привелъ намъ другихъ лошадей, и тутъ же рѣшился, воротясь назадъ, ѣхать въ слѣдъ за Графомъ, ибо ѣхать прямо въ Москву, какъ хотѣлось того Графу, мнѣ никоимъ образомъ не можно было; потому что въ Почепѣ

были оставлены всѣ мои вещи, разложенныя въ моей квартирѣ. Изъ Батурина писалъ я къ г. Тормасову, а курьера я уже болѣе не видалъ.— Еще нѣчто о Батуринѣ!— Здѣсь все еще много умираетъ дѣтей отъ оспы, о прививаніи коей нимало не пекутся. Даже нѣтъ здѣсь ни какого лѣкаря, хотя и выстроенъ довольно большой домъ для больницы. Но надобно знать, что сей построенъ еще при жизни покойнаго фельдмаршала, былъ снабденъ полною аптекою и всѣмъ нужнымъ, и всегда былъ наполненъ больными, не только Графскими служителями и подданными, но и посторонними, коихъ принимали безъ всякой платы; со времени же его кончины все сіе — къ крайнему всего края сожалѣнію — рушилось, и домъ стоитъ — пустой. Венерическая болѣзнь здѣсь почти всеобща. Другія же обыкновенныя болѣзни суть: горячки и лихорадки, цынготная, опухоль въ ногахъ, какъ послѣдствіе лихорадокъ, отъ коихъ не рѣдко приключается водяная, а наконецъ и преждевременная смерть. Нарывы разныхъ родовъ суть всеобщее бѣдствіе жителей. Бани здѣсь у жителей только торговыя. Тарантуловъ находятъ не весьма часто. Угрызеніе ихъ, сказываютъ, смертельно.

Шептаки. Октября 31.

Здѣсь въ девяноста пяти верстахъ отъ Батурина, достигъ я Графа сего дня, набравшись большаго въ пути страха, ибо неподалеку отсюда на прескверной дорогѣ былъ опрокинутъ съ моею каретою. Множество писемъ и вѣдомостей разнаго рода, найденныхъ мною здѣсь, послужили мнѣ вознагражденіемъ за всѣ претерпѣнныя въ пути трудности. Намъ остается еще сто десять верстъ до Почепа. Сюда ѣхали мы чрезъ Коропъ, Оболонье, Понурницу, Блистовую, Багриновку и Лариновку. Коропъ, какъ я уже и въ первой части говорилъ, имѣетъ 1600 мѣщанъ, для коихъ опредѣленъ тутъ и лѣкарь. Главнѣйшія въ немъ болѣзни суть лихорадки и глисты у старыхъ и малыхъ. Прививаніе оспы здѣсь не было еще предпріемлемо. Въ городѣ имѣются бани какъ для дворянъ, такъ для мѣщанъ и крестьянъ особливыя. Въ Оболоньѣ, имѣющемъ триста душъ, не нашелъ я ни даже подлѣкаря; но за то видѣлъ самую непростительную нерадивость, или невниманіе къ проѣзжающимъ. Тутъ простоишь на берегу Десны цѣлой день, прежде пока вздумаютъ тебя перевезть чрезъ рѣку. Но и то сказать, здѣсь вить не столбовая, и не почтовая дорога.

Почепъ. Ноября 2, въ вечеру.

Лишь теперь мы сюда пріѣхали, и клянусь вамъ, по чрезвычайно трудномъ и утомительномъ осеннемъ путешествіи. Отъ Шептаковъ ѣхали мы опять чрезъ Буду, Бучки, Кистеръ, Голешевку и Баклань. Въ Бучкахъ, имѣющихъ 130 тяголъ, или 780 мужеска пола душъ во время нашего проѣзда многіе были больны лихорадкою. Оспу тутъ уже прививали. Бани есть только у богатыхъ. Кистеръ, какъ вы уже знаете, принадлежитъ также Графу Разумовскому. Въ этомъ селеніи считаютъ 661 душу. Множество дѣтей погибаетъ здѣсь отъ кори, и гораздо болѣе, нежели отъ оспы. Обыкновенныя тутъ болѣзни суть: лихорадка, чесотка, воспаленіе глазъ, и особливо черви въ ушахъ. Также скотскіе и конскіе падежи бываютъ тамъ не рѣдко. Въ этомъ селеніи имѣется двадцать бань. — Здѣсь въ Почепѣ отдохнемъ мы токмо нѣсколько дней, дабы потомъ тѣмъ лучше пуститься въ обратной путь въ Москву. Я могъ бы описать вамъ, мой любезной Е...! послѣдніе дни проведеннаго нами въ ѣздѣ времени, но боюсь наскучить вамъ и вывесть васъ изъ терпѣнія. Изъ Москвы получите вы окончаніе сихъ поверхностныхъ моихъ замѣчаній.

Москва. Генваря 6, 1806.

Здравствуй, почтенная Москва! по долговременной съ тобою разлукѣ, здравствуй опять! также и васъ, мой любезный Е...! привѣтствую теперь отсюда! Цѣлыя восемь недѣль протекли съ того времяни, какъ получили вы послѣднее отъ меня письмо; тогда надѣялись мы чрезъ столько же дней быть здѣсь. Въ послѣдніе дни пребыванія моего въ Почепѣ, произошла между мною и моею фамиліею частая переписка, ибо жена моя и дѣти занемогли здѣсь, а я тамъ. И то и другое было причиною, что я долженъ былъ въ другой разъ отклонить отъ себя приглашеніе г. Тормасова, которой въ половинѣ Декабря прислалъ было за мною опять того же самаго курьера, съ тѣмъ, чтобъ оной привезъ меня въ Кіевъ. Но мои больные домашніе въ Москвѣ принудили меня, сколько можно спѣшить туда, гдѣ къ величайшей радости нашелъ я ихъ однакоже выздоравливающими, за что и обязанъ искреннѣйшею благодарностію стараніямъ и попеченію почтеннаго г. статскаго совѣтника Рихтера, которую симъ публично ему и изъявляю. Давно было пора уѣхать мнѣ отттуда, ибо я и самъ уже съ нѣсколькихъ недѣль страдалъ потаенною лихорадкою. Это былъ послѣдній день прошедшаго года, но по-

луночи въ четыре часа, какъ я въ прекрасное зимнее утро, оставилъ Почепъ. Выѣздъ мой отгуда былъ какъ бы торжественный для меня, и я его никогда не позабуду. Я не знаю, что со мною было, но мнѣ казалось, какъ будто ѣду изъ Почепа съ тѣмъ, чтобъ его уже болѣе не видѣть никогда. Съ моею Емиліею рука въ руку, и съ другомъ Кохомъ рядомъ, шелъ я въ послѣдній разъ въ тихую ночь чрезъ дворъ замка, ибо карета наша съѣхала на улицу безъ насъ. Послѣдняя четверть мѣсяца освѣщала часть сего огромнаго строенія, обитаемаго Графомъ. Мы по часту останавливались, оглядывались, въ послѣдніе желали Графу и всему его дому пріятнаго сна. Церковь была уже освѣщена, ибо послѣдній день года уже начинался. Сія сцена поистиннѣ достойна бы была того, чтобъ быть представленною Робертсономъ въ его кинетозографіи. Мы сѣли въ каретy, и — отправились въ Москву. Радость и нетерпѣливость, въ скоромъ времяни опять увидѣть своихъ, дѣйствовали на меня своею магическою силою, такъ что и лихорадка меня почти покинула. Сколько хороша была погода предъ утромъ и по утру при легкомъ морозѣ, столькожъ сильно таяло чрезъ весь день, такъ что къ вечеру, когда мы пріѣхали въ Брянскъ, сдѣлалась совершенная осень. Прекрасное положеніе Свинскаго монастыря возвѣщаетъ приближеніе къ Брянску еще из-

дали. Мы ѣхали въ сторонѣ сего монастыря чрезъ его слободу, лежащую на горахъ и долинахъ. Здѣсь опять увидѣли мы изобиліе лѣса и услышали радостное, веселое пѣніе Русскихъ. Мнѣ казалось, что они воспѣвали послѣдній день года, стоя кучами, и нимало не заботясь, что шелъ дождь, и что улица была грязна. Въ Брянскъ пріѣхали мы, когда уже смеркалось, и лошади едва могли втащить нашу карету на крутую подъ городомъ гору. Тщетно искали мы по всюду квартиры, гдѣбъ переночевать, какъ нечаянной случай завелъ меня въ жилище одного Русскаго купца, которой зналъ меня въ Ригѣ и тамъ бывалъ у меня. Онъ отвелъ меня къ полиціймейстеру, коллежскому совѣтнику, г. Вейтбрехту, дядѣ того Вейтбрехта, которой живетъ въ Митавѣ, и о которомъ г. Коцебу въ достопамятнѣйшемъ году своей жизни упоминаетъ. Г. Вейтбрехтъ находится въ нынѣшней своей должности уже одиннадцать лѣтъ. Онъ былъ столько ласковъ, что принялъ насъ подъ свою защиту, велѣлъ пріискать намъ квартиру, что въ нынѣшнее время года не такъ-то и легко; потому что стеченіе торгующихъ купцовъ имянно теперь сказываютъ, простирается до пяти тысячь; нанялъ также для насъ извощиковъ до Калуги, отстоящей отсюда на двѣстѣ пятдесятъ семь верстъ, за семдесятъ рублей.

Въ Брянскѣ считается 1900 домовъ, въ

томъ числѣ тридцать каменныхъ. Тамошняя торговля состоитъ въ пенькѣ, конопляномъ маслѣ, хлѣбѣ, лѣсѣ, мачтовыхъ деревьяхъ, кои отсюда сплавляются Десною въ Днѣпръ, а изъ онаго при Оршѣ перевозятся гужомъ въ Двину, и такимъ образомъ доставляются въ Ригу. Пенька же, хлѣбъ и масло отвозятся сухимъ путемъ въ Витебскъ и Порѣчье. Ежегодной оборотъ денегъ по торговлѣ, сказываютъ, простирается здѣсь до двухъ милiоновъ рублей. Брянскъ извѣстенъ также и своимъ литейнымъ пушечнымъ дворомъ, въ которомъ отливается въ каждой годъ 400 пушекъ. Мѣдь привозится изъ Сибири чрезъ Москву. Пушки сверлятся здѣсь стоймя а не лежмя. Ежедневно занимаются работою три ста человѣкъ, и всѣ Русскіе. Всѣ пушки дѣлаются по калибру предписанному Государемъ Императоромъ Павломъ I. Онѣ гораздо тонѣе и легче обыкновенныхъ. Также и лафеты, говорятъ, дѣлаютъ здѣсь отмѣнно хорошо. Г. Вейтбрехтъ поставляетъ теперь въ казну восемьдесятъ тысячъ боченковъ для пороху, по 87 копѣекъ за каждой. — Около сорока верстъ отъ Брянска въ престрашномъ лѣсу находится величайшій въ Россіи стеклянной и хрустальной заводъ, принадлежащій г. Мальцову, живущему въ Москвѣ, неподалеку которой завелъ онъ еще шесть такихъ же заводовъ. Въ самой Москвѣ имѣетъ онъ большія магазины для склад-

ки произведеній ихъ. Ежегодно отпускается оныхъ съ одного только Брянскаго завода на сто тысячь рублей. Я видѣлъ посуду и другія вещи, на семъ заводѣ дѣланныя и онѣ весьма хороши, а однакожъ до Аглинскихъ еще не дойдутъ. Сверьхъ того и продаются дорого. — Брянскъ лежитъ, какъ и Кіевъ, на трехъ горахъ, и во всѣ стороны имѣетъ открытые далекіе виды. Какъ ѣздить, такъ и ходить по улицамъ сего города весьма трудно, даже и опасно, по причинѣ крутыхъ горъ. Повѣрители вы тому, что въ этомъ нарочито большомъ торговомъ городѣ, нѣтъ ни доктора ни аптеки. Весь медицинской штатъ состоитъ только въ двухъ лѣкаряхъ, и въ уѣздной недавно только опредѣленной повивальной бабкѣ. — Мы ночевали въ домѣ купца Авилова, а на другое утро, въ первый день новаго года пустились далѣе. Такъ какъ каждому человѣку предоставляются въ этотъ день картины прошедшаго, настоящаго и будущаго, такъ точно представлялись онѣ и мнѣ, и я не могу не признаться, что впалъ въ глубокую задумчивость. Однакожъ ни слова больше о томъ! — Выѣхавъ изъ Брянска, ѣхали мы довольно большое разстояніе въ долъ по рѣкѣ Деснѣ, по обѣимъ сторонамъ которой строились суда, называемыя здѣсь байдаками. Бревна и доски лежали въ превеликихъ стопахъ на льду. Мы ѣхали мимо большой канатной фаб-

рики, принадлежащей купцу Крючкину, которой канаты и веревки доставляетъ въ Херсонъ и Ригу. Видъ Брянска съ рѣки Десны понравился мнѣ чрезвычайно. Прекрасное его положеніе дѣлается прямо романтическимъ отъ множества находящихся въ немъ церквей. Вообще Брянскъ нравится мнѣ очень. Но ежели разсмотрю себя надлежащимъ образомъ, то должно быть тутъ нѣкоторому во мнѣ пристрастію, ибо, не видавъ долгое время ни торговли, ни дѣятельности въ оной, переносился я мыслями въ любезную Ригу, которая не перестаетъ влечь меня къ себѣ, какъ бы нѣкоею чрезъестественною силою; таковыя мечты мнѣ въ моемъ положеніи особливо въ этотъ день, въ день новаго года — кажется простительны. — Мы ѣхали далѣе, чрезъ Брянской сосновой лѣсъ, простирающійся съ лишкомъ на шестьдесятъ верстъ. Несправедливо разсказываютъ, будто въ этомъ лѣсу проѣзжающіе не могутъ быть во все безопасны по среди лѣсу, — и имянно въ вечеру тогожъ самаго дня, остановились мы въ постояломъ дворѣ, неподалеку стекляннаго завода, гдѣ и ночевали. Мы ходили въ заводъ и узнали, что онъ принадлежитъ тому же г. Мальцову, о которомъ упоминалъ я выше. Въ двадцати верстахъ отсюда лежитъ тотъ большой заводъ. На этомъ же дѣлаются только бутылки и другія крупныя простыя вещи. Бутылки продаются довольно дорого,

имянно по десяти копѣекъ. Здѣсь видѣли мы, что мужики продаютъ въ заводъ золу изъ соломы по сороку семи копѣекъ за бочку. Поздной вечеръ понудилъ насъ убраться въ нашу квартиру. Моя Емилія приготовила намъ между тѣмъ пшенную кашу на Украинской манеръ, и такимъ образомъ заключили мы первый день новаго года, окруженные множествомъ Русскихъ, валявшихся по полу, на подобіе разбойниковъ въ Ифландѣ. Вмѣстѣ съ первыми пѣтухами, — это было въ часъ по полуночи, — наши извощики поднялись опять съ мѣста, и по утру въ девять часовъ привезли насъ въ городъ Жиздру, Калужской губерніи, лежащій при рѣчкѣ тогожъ имени. Губернія сія начинается при описанномъ мною стеклянномъ заводѣ. Жиздра имѣетъ правильно расположенныя улицы, небольшіе деревянные домы, изрядной архитектуры каменную церковь, и нѣсколько каменныхъ домовъ. Въ одномъ изъ сихъ послѣднихъ была прежъ сего какая-то фабрика. Чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ Москвѣ, тѣмъ становилось холоднѣе, а дорога часъ отъ часу лучше. Въ Калугѣ пробыли мы только нѣсколько часовъ, и то для того только, чтобъ нанять извощиковъ до Москвы, что намъ и удалось за шестьдесятъ пять рублей. Объ этомъ городѣ говорить мнѣ теперь уже нечего, ибо довольно говорилъ объ немъ прежде. По дорогѣ отъ него также ничего примѣчанія достойнаго ни

видѣть, ни узнать не случилось; не видѣть потому, что ѣхали въ каретѣ, а притомъ отчасти и ночью, а не узнать потому, что въ самомъ дѣлѣ ничего такого не встрѣчалось, кромѣ токмо достопамятнаго села Воронова, въ пятидесяти пяти верстахъ отъ Москвы на самой большой дорогѣ лежащаго прежъ сего принадлежавшаго Графу Воронцову, а предъ недавнимъ временемъ доставшагося по куплѣ Графу Растопчину. Мы проѣзжали оное въ сумерки, и къ сожалѣнію не могли его хорошо разсмотрѣть. Однакожъ видѣли преогромной освѣщенной домъ со многими принадлежащими къ нему строеніями, близь дороги въ лѣвой сторонѣ отъ оной. Къ дому ведетъ деревьями усаженная перспектива, при концѣ коей у самой дороги поставлены прежнимъ владѣльцомъ двѣ каменныя пирамиды съ надписью на оныхъ, содержащею въ себѣ, что село сіе было ощастливлено Высочайшимъ присудствіемъ, а Графъ Воронцовъ посѣщеніемъ Безсмертныя Екатерины, только до сего мѣста предпринимавшей путь изъ Москвы. За домомъ видны намъ были преобширныя сады, казавшіеся намъ въ темнотѣ лѣсомъ. По другую сторону дороги вдоль по оной построены крестьянскіе домы всѣ каменные. Вообще мѣсто положеніе здѣсь должно быть совершенно романтическое. Оно довольно высоко, имѣетъ много лѣсовъ, воды, буераковъ и говорятъ, отдѣлано со вкусомъ и знаніемъ.

Отсюда до Москвы не видали мы уже ничего, да и не удивительно, ибо нетерпѣливость наша, чтобъ какъ можно скорѣе до нее домащиться по дорогѣ, разбитой чрезвычайно и невѣроятнымъ образомъ, выходила изъ предѣловъ. Мы кувыркаясь изъ ухаба въ ухабъ должны были безпрестанно беречься, чтобъ лбами не побить стеколъ, или на разкатахъ хвататься за карету; бывъ въ непрерывномъ страхѣ, чтобъ насъ не опрокинули. Сверьхъ всего того, близкое свиданіе наше съ домашними и друзьями, ожиданное нами отдохновеніе отъ столь трудной,— можно сказать мучительной— ѣзды, которой я во всю жизнь мою не забуду, безпрестанный о томъ разговоръ и радость, что наконецъ избавимся всѣхъ безпокойствъ, досадъ и отягощеній съ таковою въ столь необыкновенное время года предпринятою ѣздою сопряженныхъ, лишали насъ всѣхъ способностей, что либо замѣчать и описывать. И такъ не взыщите, любезный Е...! что вдругъ и столь скоропостижно оканчиваю мои замѣчанія; вы вить сами отецъ, мужъ и другъ, слѣдовательно можете посудить, сколь велика была наша нетерпѣливость, влекшая насъ съ величайшимъ стремленіемъ къ нашимъ ближнимъ и друзьямъ. — Прощайте. — Есмь:

вашъ и прочая.

Конецъ.

2011119440